

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

ЖЕЛЕЗНАЯ
МАСКА

век мушкетеров

Эдвард Радзинский. Лучшее

Эдвард Радзинский

Железная Маска. Век мушкетеров

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)644

Радзинский Э. С.

Железная Маска. Век мушкетеров / Э. С. Радзинский —
«Издательство АСТ», 2020 — (Эдвард Радзинский. Лучшее)

ISBN 978-5-17-122519-3

Это был век, когда во Францию пришли деньги. Когда храбрость и верность начинают уступать богатству. Первые олигархи в истории – это кардинал и министр финансов Фуке, который так и не понял, что такое власть короля. Это был век куртизанок, когда понятие добродетели начинает исчезать. Век салонов, где правили женщины, и век до сих пор не раскрытых тайн. Одна из которых – тайна Железной Маски... Ответ на историческую загадку будет совершенно неожиданным.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)644

ISBN 978-5-17-122519-3

© Радзинский Э. С., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
Париж	6
Загадочный господин	7
В гостях у месье Антуана	9
И я... увидел!	10
Галантный век	11
Бессмертный	13
«Запрещено все, кроме наслаждения»	16
Пиковая дама	20
Феи Оленьего парка	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эдвард Радзинский

Железная маска. Век мушкетеров

© Радзинский Э. С., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используют фото репродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Граф Сен-Жермен

Париж

Мой отец жил в Париже, никогда там не побывав. Он был галломан в СССР – галломан из страны за железным занавесом... Отец жил в сталинской Москве, в окружении старых французских книг, купленных в букинистических магазинах. В новой России рабочих и крестьян, поголовно не знавших французского, за бесценок продавались французские книги времен Людовиков и Империй – эти уцелевшие остатки дворянских библиотек. Париж для отца не был городом. Это была мечта. Мечта о свободе в стране рабов и еще о том, что когда-нибудь я увижу недостижимый Париж.

Он умер, так и не побывав в Париже, который часто видел в снах. В этих снах он сидел в парижском кафе с чашечкой кофе и писал рассказ.

Впервые я приехал в Париж в начале 80-х...

Был жаркий майский день. Я сидел в парижском кафе, на столе стояла чашечка кофе, передо мной лежал отцовский «Путеводитель по Парижу», изданный в 1900 году во время Всемирной выставки. И я сочинял рассказ.

Но ничего не приходило в голову, парижский рассказ не получался. Между тем наступил полдень, и на лице официанта читался вопрос, когда же я покину кафе и уступлю свое место с несерьезной чашечкой кофе посетителям серьезным, пришедшим на священное для француза полуденное «манже». «Манже», без которого истинный француз не только не может жить – умереть не может. В дни революции даже беспощадные революционеры разрешали приговоренным аристократам хорошо отобедать перед путешествием на гильотину. Из окна кафе на другой стороне Сены я видел замок Консьержери, откуда и везли на гильотину этих насытившихся французов... Официант продолжал мрачно смотреть. Я решил поторопиться и, на худой конец, записать в кафе хотя бы чужой рассказ, который услышал от знаменитого итальянского сценариста. Ему и нескольким его коллегам предстояло написать любовные истории протяженностью не более 10 секунд экранного времени! Эти новеллы должны были составить фильм о ЛЮБВИ.

И вот что он сочинил.

Действие происходило в квартире. У телефона сидела прелестная женщина. Перед ней стоял телевизор. На экране готовилась к старту космическая ракета. Голос отсчитывал последние 10 секунд перед стартом. Красавица внимательно глядела в телевизор и одновременно набирала номер.

– 10... 9... – отсчитывал секунды голос по телевизору. – 8... 7... 6... – Она набирала очередные цифры.

– 5... 4... 3... 2... 1... Старт! – раздалось в телевизоре.

– Аллю! – сказал в трубке мужской голос.

– Он уехал! – радостно сообщила она.

Загадочный господин

Я закончил записывать чужую выдумку, когда сзади раздался голос, сказавший по-русски:

– Это не просто ловкая выдумка. Это притча о жалкой любви в жалком веке. Десяти секунд и вправду достаточно для ее описания.

Я обернулся. Он сидел за соседним столиком и улыбался.

Он был в великолепном белом чесучовом костюме, в широкой соломенной шляпе, из-под которой торчали черные усы, длинный зигзагообразный нос и впалые, вдавленные щеки... И весь он был какой-то изогнутый, узкий, ненадежный. Несмотря на жару, он был в белых перчатках.

Я хотел ему ответить, но не успел, ибо в тот же момент он... исчез! Остались только руки в перчатках. Это не самая обычная картина, когда из пустоты торчит парочка белых перчаток. Но я не успел поразиться, ибо в следующее мгновение он преспокойно восседал передо мной на стуле.

– Нет-нет, – засмеялся он, – здесь нет ничего сверхъестественного. Это всего лишь фокус, которым в любимом мной Галантном веке сводил с ума парижан граф Сен-Жермен. Вас явно тревожат мои перчатки. Я, видите ли, участвовал в раскопках Вавилона. Этого делать было не надо. Как всем нам известно из Библии, Вавилон был проклят Господом. «Не заселится никогда, и в роды родов не будет жителей в нем... Но будут обитать в нем звери пустыни... Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены – в увеселительных домах... И сделаю его болотом... – сказал Бог Саваоф». Когда я впервые приехал, – как-то странно словоохотливо продолжил он, – увидел поразительную точность предсказанного. Передо мной лежали уродливые холмы, болото и пустыня, и под ними прятался проклятый город. Там не росла даже трава. Только тростниковые топи, источавшие лихорадку. Но я получил разрешение и начал копать.

Его рассказ показался мне куда более странным, чем его перчатки. Последние раскопки в Вавилоне, как я смутно помнил, проводились в самом начале двадцатого века.

Но он продолжал читать мысли. Усмехнувшись, сказал:

– И вправду. В отличие от иных знаменательных мест Ирака, где каждый год идут раскопки, на месте Вавилона с 1918 года *официально никто* не копал. И правительство уклоняется давать разрешение. Там не бывает даже туристов. Однако легко предположить, что за большие деньги я получил разрешение и начал копать в проклятом месте.

– Так вот в чем дело, – успокоился я.

И незнакомец, всё читая мои мысли, одобрительно-насмешливо кивнул:

– Я рад, что вам все стало понятнее. Копать там необычайно трудно. Приходилось платить рабочим бешеные деньги: люди панически боятся этих мест. Я намеревался отрыть древнейшую часть Вавилона. Это город правителя Хаммурапи, существовавший за полтысячи лет до Моисея. Но оказалось, он лежит под стометровым слоем ила. Тогда я решился копать на месте города Навуходоносора. Но и он укрыт тридцатиметровым слоем собственных камней и черепков. В этот мусор превратились знаменитые башни, колонны, висячие сады... Но все-таки кое-что удалось. Откопали замечательную стелу, покрытую клинописью. Конечно же я торопился прочесть... Камень расчищали всю ночь. К рассвету я нежно гладил руками каменные письма проклятого Господом города. Я чувствовал плотский, страстный ропот времени. Но уже к вечеру руки горели. Я подхватил инфекцию, совершенно обезобразившую их... Будьте осторожны с подобными местами. Однако мне пора.

Он только взглянул в сторону официанта, как тот опрометью бросился к нему. Я увидел, как в белых перчатках появилась серьезная купюра и улеглась на столик:

– Благодарю, мой друг. Сдачи не надо. – И, поднимаясь с места, сказал мне: – Надеюсь, мы вскоре продолжим нашу беседу. – И протянул рукой в перчатке визитную карточку.

На визитке я прочел:

– Антуан де Сен-Жермен.

И телефон.

Он засмеялся:

– Это псевдоним всего лишь. Когда-то я снимал квартиру в квартале Сен-Жермен. Но нынче обитаю в Латинском квартале, в двух шагах от мастерской Делакура. Позвоните мне, коли будет настроение. Буду рад. Вы, как я понял, писатель, весьма увлеченный Историей. Только такой человек может с упоением листать столетней давности путеводитель, быть осведомленным о раскопках в Вавилоне и пытаться сочинять в кафе, водрузив на столик *компьютер*. Но остерегайтесь, мой друг, носить обе эти вещи в одной сумке. Поверьте, они ненавидят друг друга – великолепный, пере живший столько приключений путеводитель и ненадежное, ломкое дитя прогресса.

Я с наслаждением слушал звуки его речи. Той русской речи, которая сохранилась в семьях эмигрантов первой волны. Их язык, избежавший издевательств новояза революции, хранит умолкнувший голос нашей погибшей Атлантиды.

В ту первую встречу я не сомневался: он русский.

В кафе вошел какой-то безликий, странно бледный молодой человек. Прощально помахав мне рукой, господин Антуан Сен-Жермен вышел вместе с ним из кафе. Я увидел в окно, как этот молодой человек, видимо его шофер, распахнул перед ним дверцу автомобиля.

В гостях у месье Антуана

На следующий день я позвонил ему, но никто не ответил. Всю неделю я тщетно пытался дозвониться. Телефон, указанный на визитной карточке, молчал. Лишь в воскресенье я услышал голос месье Антуана. Безо всяких вступлений он пригласил меня к себе.

Он жил в доме на моей любимой площади. Это крохотная площадь Фюрстенберг, затерявшаяся в улочках Латинского квартала. Вся площадь – маленький асфальтовый круг, на котором разместились старинные фонари, церемонно окруженные деревьями. На это царство гармонии глядят окна мастерской Делакруа. Мой странный знакомец жил в доме рядом с мастерской.

Мне открыл дверь все тот же безликий молодой человек. Молча повел в глубь квартиры. Это была неправдоподобная квартира... Мы шли через бесконечную анфиладу комнат, заставленных старинной мебелью. Портьеры на окнах были задернуты, горели свечи в бронзовых канделябрах, мерцали зеркала и золотые рамы картин.

Пришли в большую залу. В центре стоял великолепный стол черного дерева с ножками – резными головами атлантов.

Стол стоял на фоне огромного окна. Он как бы плыл над площадью, освещенной заходящим октябрьским солнцем.

В дальнем углу залы притаился клавесин, который я не сразу заметил, пораженный великолепием стола. На стене, справа от стола, висел портрет в массивной золотой раме.

На портрете был изображен красавец мужчина в камзоле и парике. С лицом насмешливым, гордым... и знакомым.

Месье Антуан стоял у стола, поглаживая позолоченную голову атланта... На этот раз он был в черном смокинге и в черных перчатках.

Церемонно поздоровавшись, начал говорить:

– Этот стол сделан по личному заказу «Короля-солнце» в знаменитой «Мануфактуре королевской мебелировки». Что же касается портрета, он вас заинтересовал не зря. Портрет этот написан при жизни фантастического господина, на нем изображенного... накануне его официальной смерти. Обратите внимание на необычайно широкий лоб, говорящий об опасном разуме. Его крупный нос весьма напоминает нос Гёте. В подобном носе знаменитый физиологист Лафатер увидел великую способность творить. Чуть выпяченная губа господина повествует о сластолюбии и похоти, побежденных, однако, неукротимой волею. Он выглядит на портрете от силы сорокалетним, не правда ли? Хотя, по его собственным словам, ему в это время было 88 лет... Впрочем, ни дата рождения, ни дата его истинной смерти неизвестны. Неужто не поняли, о ком речь? Это тот, чьим именем я позволил себе украсить мою визитную карточку. Это – граф Сен-Жермен.

И я... увидел!

Надо сказать, я был взволнован. Меня давно занимал этот неправдоподобный господин. Все последнее время я писал биографию Екатерины Великой. По одной из версий, сей фантастический граф в 1761–1762 годах находился в России и тайно участвовал в свержении несчастного Петра III.

Я не успел подумать (так будет всегда в наших беседах), как месье Антуан уже говорил:

– Именно! Именно! И тогда они впервые встретились, граф Сен-Жермен и граф Алексей Орлов. Потом была вторая встреча, в Италии. В ту вторую встречу граф Сен-Жермен участвовал в знаменитом Чесменском бою под именем генерала Салтыкова. Как он сам рассказывал, это имя он выбрал из уважения к князю Сергею Салтыкову, любовнику Екатерины и отцу вашего императора Павла.

– Насчет отца Павла у меня иная теория, – начал я.

– Ну какие тут могут быть «иные теории», – прервал месье Антуан. – Никаких «иных» быть не может. – И тут лицо месье Антуана странно покраснело, точнее, налилось кровью. За наши два дня общения я видел это его состояние много раз. Но в тот, первый, я очень испугался, мне показалось, что с ним случился припадок!

Он шептал:

– Никаких иных теорий быть не может... Охо та... Все у них случилось тогда... В тот день они отстали от охотников...

И, клянусь, я... *увидел!!!*... Длинный тоннель. Тоннель как-то воровски мелькнул передо мною... пропал. И уже из тьмы исчезнувшего тоннеля навстречу мне скакали двое всадников. И тотчас исчезли. Как бывает, когда теряешь сознание... Я летел... во тьму. И слышал... слышал монотонный голос месье Антуана:

– Он и она... вы их не видите... они отстали от охотников, они на лошадях... Остановились у старого охотничьего домика... Он наклонился к ней с седла... и обнял за талию... Она не противится, но задрожала. А он, уже лаская губами ее ушко, нашептывает картины счастья и как сделать тайной счастье, которым они смогут безопасно наслаждаться... уже сейчас! Он вынимает ключ от домика!.. И она глядит на ключ... и!!!

Я видел вновь лицо месье Антуана, оно придвинулось совсем близко: тяжелые веки и ледяные глаза без ресниц. И опять зашептал его голос:

– Она напишет впоследствии в «Записках»: «В ответ я не проронила ни слова...» Подобное молчание на языке Галантного века считалось *зовом!* Он немедля воспользовался ПРИЗЫВНЫМ молчанием... Пропустив восхитительную станцию «Изнурительной Нежности», он поторопился в «Приют Наслаждения»... Они вошли в домик! «Случившееся»... эти полтора часа счастья... остались ясным намеком в ее «Записках»: «*Часа через полтора я сказала ему, чтобы он ехал прочь, потому что наш... такой долгий разговор может стать подозрительным.* Он возразил, что не уедет, пока я не скажу – «люблю». Я ответила: «Да, да, но только уберите». Он прищипорил лошадь; а я крикнула ему вслед: «Нет, нет!...»

(Впоследствии я отыскал этот эпизод в «Записках» Екатерины Великой. Оказалось, месье Антуан цитировал почти слово в слово.)

Галантный век

Месье Антуан замолчал, будто пытаясь прийти в себя. Пришел в себя и я.

Он продолжил совсем спокойно:

– Однако мы заговорили о графе Алексее Орлове. У него было великолепное лицо с медальными чертами, восхитительно изуродованное глубоким шрамом. Это был век, когда шрамы, добытые в сражениях, драках и дуэлях, прельщали женщин. Люди в том веке умирали от ран куда чаще, чем от жалкой старости. Последний век, когда побеждали личным мужеством.

«Чтобы получить все, нужно рискнуть всем» – любимый лозунг века.

Короток был путь из хижин во дворцы, а из дворцов на эшафот – еще короче. Я очень люблю *наблюдать* эту сценку. Ваш русский канцлер старик Остерман, приговоренный к казни, равнодушно поднялся на эшафот. Он преспокойно снял парик и как-то аккуратно, удобно уложил голову на плаху. Будучи помилован, так же преспокойно встал, попросил вернуть парик, расправил на нем волосы, надел его и отправился в ссылку в Сибирь.

Уолтер Рейли, любовник великой английской королевы Елизаветы, поэт, пират, ученый и, возможно, истинный автор шекспировских пьес, на седьмом десятке приговоренный к казни, насмешливо сообщал другу: «Только приезжай пораньше, коли хочешь занять хорошее место у моего эшафота, народу будет много. Мне же там обеспечено лучшее место». И когда палач попросил положить голову «как принято, лицом к востоку», он успел презрительно пошутить: «Неважно, мой друг, где находится голова, главное, чтобы сердце находилось на нужном месте».

Но мой фаворит, мой любимый век – восемнадцатый! Предыдущий, семнадцатый, варварски заковал прекрасных дам в броню негнувшейся одежды. Длиннющие юбки посмели совершенно закрыть прелестные женские ножки. Но восемнадцатый сумел открыть их! И как лукаво, мой друг! Век изобрел качели. Кавалер раскачивал качели, и юбка улетала вверх, щедро обнажая восхитительные ножки. И, наконец, танцы! Они – главная любовь века. Граф Сен-Жермен сочинил популярнейшие танцы. Его аллеманду обожали в маскарадах... В аллеманде *он* и *она* должны так тесно прижаться друг к другу, что не оставалось сомнений в событиях, последующих после танца. Главной фальшью этого танцующего Века Любви был только брак. Граф Сен-Жермен рос сиротой и оттого избежал лжи тогдашнего брака. Ибо браком в ту пору управляли родители. Эти гнусные существа были обязаны думать о выгоде – финансовой или о престиже родословной. И к несчастной девушке, только что вышедшей из монастыря, приводили незнакомого мужчину. В присутствии нотариуса бедняжке объявляли, что сей незнакомец знатного рода и есть ее будущий муж. Дальше свадьба и ночь, когда ей приходилось отдаваться совершенно чужому человеку. В эту первую ночь жених фактически насиловал испуганную, не любящую его девушку... Свершив необходимое, он гордо вставал с постели в поту, она оставалась лежать в слезах. С этого начинался брак и тогда же заканчивался. Как сказал принц Лозен своей юной жене: «Дорогая, мы выполнили наши обязанности и впредь не будем мешать друг другу!» Теперь она мечтает о подлинной любви, о которой читала во всех романах. Молодой муж отдает дань главной моде – он приступает к охоте на женщин, влюбляясь в новых и новых. Единственная, к кому он останется равнодушным до смерти, – это его жена. От нее требуется только наследник. Родив, то есть исполнив долг, она вслед за супругом с упоением вступала в любовную круговерть, где все мужчины хотели соблазнить и все женщины – быть соблазненными...

Как это ни смешно, счастливыми оказывались браки со стариками. Впрочем, Галантный век отменил возраст. В дни этого пламенного века стариков не было, все до могилы оставались молодыми. Конечно, помогали парики, румяна, кружева, роскошь туалетов! Но главное было

в вечно молодом мироощущении! Бабушка Жорж Санд объясняла своей внучке: «Старость в мир принесла Революция. В мои дни я попросту не встречала стариков. Мой муж – ему было 62 года, мне чуть за двадцать, – он до последнего дня следил за внешностью, был красив, нежен, спокоен, весел, любезен, грациозен и всегда надушен. Я радовалась его возрасту. Я не была бы с ним так счастлива, будь он молод. Ведь женщины красивее меня наверняка разлучали бы его со мной. Теперь же он был только мой! Я убеждена, что мне достался лучший период его жизни. Мы не расставались ни на минуту, но я никогда не скучала с ним. Природа дала ему множество талантов. Мы играли дуэтом на лютне. Он был не только превосходным музыкантом, но, как часто бывало в нашем веке, художником, слесарем, часовщиком, плотником, поваром и архитектором. Но главное – великолепным любовником. Он страстно, с фантазиями большого опыта, любил мое молодое тело. И еще. Он и его сверстники знали не только как надо жить, но и как надо умирать. И если у кого-то была подагра, они терпели любую боль, но никогда не пропускали прогулку с любимой. Воспитанные люди в мое время были обязаны скрывать свои страдания. В любой игре они умели достойно проигрывать. Они считали, что лучше умереть, танцуя на *балу*, чем дома в окружении зажженных свечей и отвратительных людей в черных одеждах. Мой муж до конца умело наслаждался жизнью. Но когда пришло время с ней расставаться, последние его слова были: «Живите долго, моя дорогая, любите много и будьте счастливы». – Месье Антуан усмехнулся. – И потому разрушенная Бастилия – рубеж моей любви к человечеству. Дальше начинается время кровавых и, главное, скучных фанатиков. Унылый очкастый Робеспьер в неумело напудренном парике, над ним всегда висел белый нимб от пудры. Или толстый пьяница Дантон, ревущий проклятья аристократам, от него всегда несло потом... Или парализованный урод – революционный судья Кутон... Утром этот плевков природы сносили по лестнице, сажали в кресло, двигавшееся при помощи рычагов. Передвигая рычаги, он яростно мчал свое жалкое тело в испуганной толпе. Спешил судить, точнее, осудить на смерть врагов Революции... Да, Революция покончила с Любовью и Гармонией, принесла символическую жертву – Королеву Галантности, Женщину с лазоревыми глазами, Марию-Антуанетту. – Здесь месье Антуан наконец остановился и сказал: – Простите за этот монолог, в нем есть самое мне ненавистное – патетика. Но Мария-Антуанетта была безответной любовью... – Он помолчал и прибавил: – ...самого таинственного человека в мире – графа Сен-Жермена.

С месье Антуаном было невозможно беседовать. Он говорил бесконечными монологами, совершенно не слушая собеседника. И глаза его при этом смотрели куда-то вверх, выше вас. Когда он наконец замечал вас, в его глазах появлялось безмерное удивление: «Как, вы тут? А я о вас, признаться, несколько позабыл».

Но тогда я решительно вырвался из потока его слов. Я сказал:

– Послушайте, неужели вы всерьез? Вы верите во все эти сказки про графа Сен-Жермена? По мнению всех почтенных энциклопедий, граф Сен-Жермен был всего лишь великим надувателем, одним из вождей золотого века авантюристов.

Месье Антуан долго молчал, потом сказал:

– Люди не могут вынести бремени Тайны. У нее нестерпимый свет. Запомните: граф Сен-Жермен – единственный человек на земле после Господа... чье присутствие после смерти зафиксировано множеством источников.

Бессмертный

Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного?

А. С. Пушкин «Пиковая дама»

– Наполеон III был зачарован, заинтригован всем *чудесным*, что слышал о графе Сен-Жермене. Он поручил своему библиотекарю скупить все подлинные документы, повествующие о жизни Сен-Жермена, – начал месье Антуан свой очередной монолог. – Так появилась огромная папка, содержащая большое количество документов. Это были воспоминания современников (в большинстве это были дамы, любившие графа). После падения императора драгоценную папку передали на хранение в библиотеку префектуры полиции. Во время Парижской коммуны, как и положено в революцию, префектуру подожгли, и папка считалась сгоревшей. Но, как справедливо утверждал ваш писатель, такие рукописи не горят. Оказалось, во время пожара объемистую папку попросту украли. *В 1979 году* ваш покорный слуга и верный почтитель графа купил ее у потомка того вора-коммунара.

Как я уже говорил, в папке оказались воспоминания современников и единственная рукопись, написанная каллиграфическим почерком графа, – двести страниц его переводов Данте и Горация на немецкий и французский. Но я хорошо изучил привычки графа Сен-Жермена. Я обработал первую страницу особым раствором из сока лука и медного купороса. Потом легонько нагрел страницу пламенем свечи... И синие буквы симпатических чернил начали проступать между строками.

Это были секретные «Записки графа Сен-Жермена»! Начинались они с обращения к будущему читателю... 1979 года! Да, там стояла эта дата! И «покорнейшая просьба прочесть «Записки», но не публиковать». К сожалению, в этих «Записках» весьма уклончиво рассказано о том, что и поныне является предметом споров историков, – о загадочном происхождении графа.

Граф называет себя сыном князя Ференца Ракоши, повелителя Трансильвании, – и всё... Между тем об этом князе и, главное, о матери графа ходит до сих пор множество легенд. Расскажу, пожалуй, самую известную. Князь Ракоши, как истинный мадьяр, называл всех женщин «отдыхом воина». Он считал, что настоящая жена должна обладать тремя качествами: быть красавицей, быть послушной и быть молчаливой. Он нашел такую женщину – дочь родовитейшего польского графа 3-ого. Она была сказочно хороша, совершенно послушна и удивительно молчалива. Она родила ему очаровательного мальчика, унаследовавшего ее красоту. Я не буду рассказывать подробно всю историю. Скажу лишь кратко, что через некоторое время после рождения ребенка стали находить молодых княжеских слуг со следами зубов на горле и высосанной кровью. Князь всегда плохо спал. Поэтому перед сном заботливая жена обычно готовила ему на ночь напиток из трав по своему рецепту. После него князь засыпал глубоким сном младенца и просыпался совершенно отдохнувшим, полным сил. Но убитые слуги беспокоили князя. Далее вы догадались... Однажды князь заменил приготовленное женой питье. Он бодрствовал рядом с женой, изображая спящего. Посреди ночи его жена покинула ложе. Князь последовал за ней. Он застал ее в парке. Его любимый слуга... До смерти князь помнил искаженное похотью запрокинутое лицо жены. Потом сверкающие глаза приблизились к глазам несчастного слуги, она засмеялась, ее зубы вонзились в шею. Ангел превратился в сладострастную ведьму... Князь убил обоих. Разжав кинжалом ее стиснутый рот, увидел два аккуратненьких маленьких клыка и понял причину удивительной молчаливости. Князь сам похоронил ее со всеми обрядами. Вбил, как положено, иудино дерево – осиновый кол в ее могилу. Чтобы вампириша не смогла воскреснуть. Думаю, это не более чем безвкусная готическая легенда.

В «Записках» лишь говорится, что мать Сен-Жермена, первая жена князя Ракоши, умерла совсем молодой. Тотчас после внезапной смерти жены князь отчего-то не захотел, чтобы их сын жил с ним, в его дворце. Он отдал мальчика на попечение своему другу, последнему из герцогов Медичи. «Записки» очень скупой рассказывают подробности его детства. Граф пишет, что его отец, князь Ракоши, всю жизнь боролся за независимость своего княжества. В конце концов (это случилось уже после смерти матери графа) князь проиграл решающую битву, австрийцы захватили его владения. Князь не выдержал горечи поражений и вскоре умер. После смерти отца юный Сен-Жермен воспитывался у герцога Медичи, который дал ему великолепное образование... Интересно, что граф Сен-Жермен никогда не называл себя князем Ракоши. Став масоном, он часто именовал себя Sanctus Germano – Святой Брат. И постепенно стал представляться этим именем. Впрочем, как положено в том веке, у него было еще с десятков имен, под которыми он путешествовал. Точнее, жил в дороге, ибо путешествовал граф всю свою жизнь. И повсюду обходился без переводчика. Как и ваш покорный слуга, граф знал множество языков, в том числе несколько исчезнувших. К примеру, язык древнего Вавилона. В двадцать лет он предпринял далекое и долгое путешествие. Он отправился в Персию, жил при дворе Надир-шаха, и это рассказано в «Записках», потом была Индия, затем – два с половиной года в Гималаях, оттуда направился в Тибет. И после этих таинственных мест граф очутился при австрийском дворе – в столице врагов его отца. Император Франц Стефан отнесся к сыну своего покойного врага настороженно. Но его жена, великая австрийская императрица Мария-Терезия, оценила графа. И он сразу занял особое и высокое положение при австрийском дворе. Его лучшим другом стал премьер-министр императора Франца I князь Фердинанд Лобковиц. При дворе говорили, что некие тибетские обряды, которым он обучил Фердинанда, спасли тяжело больного князя от смерти.

В 1755 году граф находился в Вене, когда на первом этаже Хофбургского дворца Мария-Терезия родила девочку, Марию-Антуанетту.

Это был ее пятнадцатый ребенок! Одиннадцать девочек и четырех мальчиков родила императрица. В Париже принцы крови и самые знатные придворные присутствовали при родах королей, в Вене Мария-Терезия эту привилегию отменила. Пятнадцать раз рожать «в присутствии» – этого не выдержать. Теперь все покорно ждали в Зеркальной зале дворца сообщений о таинстве, происходившем в спальне. Граф Сен-Жермен был среди них. Император вышел из спальни роженицы и объявил о счастливом рождении девочки. Толпа придворных аплодировала. После чего император пригласил к императрице... графа Сен-Жермена!

Граф прошел в спальню, где лежала императрица. Новорожденной не было, ее унесли к кормилице. Вместо ребенка Марии-Терезии принесли бумаги. Великая правительница, родив, тотчас занялась государственными делами. Продолжая подписывать, обратилась к графу:

– Я слышала, граф, вы успешно занимаетесь предсказаниями?

Самое потрясающее, я... **увидел!** На этот раз тоннеля не было. Просто от стены навстречу мне поплыло толстое, немолодое лицо женщины с двойным подбородком на огромной белоснежной подушке... Потом над лицом проступил кусок стены с картиной – олень стоял среди деревьев... Я разглядел: картина была набрана из полудрагоценных камней... Потом стена отодвинулась... и я увидел ту же женщину, лежащую на кровати в алькове... и пурпурную занавесь алькова. И, загораживая кровать, спиной ко мне встала мужская фигура.

Императрица заговорила, звук голоса будто смысл видение – все исчезло!

Месье Антуан как ни в чем не бывало продолжал рассказ:

– Граф Сен-Жермен тогда долго молчал, по том сказал: «Ваша дочь навсегда останется в истории. Позвольте мне, Ваше Величество, ограничиться таким ответом на ваш вопрос».

В этот миг я рассеянно взглянул на портрет на стене. Клянусь, граф Сен-Жермен на портрете... улыбнулся! И его рука, обрезанная рамой, медленно поднялась из-за рамы... Она была... в перчатке. И тут я ясно увидел, как они похожи: месье Антуан Сен-Жермен и Сен-Жермен на картине. Помешали понять это сразу парик и камзол. Я почувствовал... страх!

– Умоляю, не выдумайте какую-нибудь простодушную мистическую глупость, – засмеялся месье Антуан. – Просто граф – мой герой. И я постепенно стал похож на него... от восторга. Это вечное сходство пса, обожающего хозяина, не бо лее. Да и похожи мы... не слишком.

И я опять взглянул на картину. Рука портрета была на месте... И изображение вело себя прилично – оно церемонно смотрело вдаль незрячими глазами. Я понял, что мне все это и вправду привиделось. Впрочем, сходство, конечно, было, но не пугающее. Я успокоился! И месье Антуан, все так же насмешливо глядя на меня, продолжил:

– Ваши коллеги ученые пишут: «Слухи о влиянии графа на дела могущественной Австрии до шли до Парижа, и Людовик XV решил переманить загадочного графа. И пригласил его приехать в Париж». На самом деле знакомство короля и графа Сен-Жермена началось с их секретной переписки, точнее, с деликатнейшего письма графа королю.

«Запрещено все, кроме наслаждения»

Граф Сен-Жермен в своих «Записках» весьма шутивно рассказал о причинах этого первого судьбоносного письма:

«Людовик XV – истинный король Галантного века, недаром он слыл самым красивым монархом Европы. Ему было пять лет, когда умер «Король-солнце», великий Людовик XIV, и ребенок стал 32-м королем Франции. Регентом при короле-ребенке стал его дядя, герцог Филипп Орлеанский. «Герцог Любви» – так справедливо следует называть Филиппа Орлеанского. Именно при нем наступил апофеоз Галантного века, о котором сам герцог сказал: «Запрещено все, кроме наслаждения». И он умел наслаждаться, этот несравненный выдумщик самых разнообразных любовных экспериментов, опасных изысков, описанных в сочинениях маркиза де Сада. Наслаждались все и всюду – во дворцах, в хижинах и даже в монастырях, напоминавших веселые бордели. Этот Герцог Любви объяснил кухне, решившей постричься и стать аббатисой: «Это не так уж глупо, дорогая! Вы примете обет бедности, но будете невестой богаты, вы примете обет послушания, но будете повелевать, вы примете обет безбрачия, но тайных мужей у вас будет столько, сколько вы захотите». Именно при герцоге появилось множество галантных обычаев, которые граф Сен-Жермен застал в Париже. Например, обожествление женской груди. Как восхитительно говорил герцог: «Это мыс блаженства, к которому тотчас должны устремиться губы и руки каждого истинного мужчины». Поцелуй в обнаженную грудь при герцоге стал столь же обычным в Париже, как нынче – рукопожатие. И когда девица отказывалась расстегнуть лиф, о ней тотчас говорили: «У бедняжки наверняка – доска!» – подозревая самое постыдное для тогдашних дам – плоскую грудь. Герцог любил повторять: «Мужчина любит как целует». По повелению герцога был издан подробнейший трактат о поцелуях – об их значении, особенностях и истории. Самым заурядным, я бы сказал – дежурным, считался «влажный поцелуй», который информировал даму о том, что кавалер обуреваем желаниями. Куда изысканнее был «французский поцелуй», при котором следовало умело и долго соединяться – ласкаться языками... Еще сложнее был поцелуй «флорентийский». Яростно, страстно впиваясь губами, не забывать сладостно-нежно пощипывать ушки любимой. Далее следовало описание еще ста семнадцати видов поцелуев... По заказу герцога была разработана главная наука его времени – «Наука флирта для дам». Это были научные изыскания: как принять самую зовущую позу на софе, как суметь соблазнительно склониться, поправляя дрова в камине, и т. д. Именно при герцоге стало модным принимать поклонников во время туалета, полуодетыми, сидя у зеркала. Туалет моментально превратился в восхитительную выставку чарующих прелестей. То случайно обнажалась рука, то приходилось поправить чулочек – и, следовательно, на мгновение приподнять юбки... И, как учил герцог, этот великий стратег любви: «Если ваши глаза попали в плен красоты, ваши уста и руки должны незамедлительно начать действовать...» И вправду, как удобны были эти утренние приемы, чтобы *ему* немедленно перейти в атаку, а *ей* пасть жертвой атаки. Отослав камеристку из комнаты, она просит кавалера помочь застегнуть непослушный крючок. И вот уже: «Что вы делаете?.. О небо! О моя прическа!..» Для облегчения успеха атаки стали принимать воздыхателей лежа в ванне, с прелестями, накрытыми тонкой простыней. Именно при нем, при Герцоге Любви, начали строиться знаменитые «петит мезон». Они назывались безумствами (folies). Это была очаровательная игра слов: folies (безумство) с латинским sud folliis, что означало «под листьями». Ибо эти домики любовных безумств прятались в окрестностях столицы в тени деревьев под густой листвой. Граф Сен-Жермен был приглашен в знаменитый «петит мезон» кардинала де Роана. Он первым описал стены знаменитого домика, где выпуклые фигуры демонстрировали все виды наслаждений. Приглашенные дамы в лорнет должны были изучить их... прежде чем перейти в спальни – повторять. Однако, как говаривал граф Сен-Жермен, «герцог

Орлеанский забыл грозное предупреждение апостола: «Все дозволяемо, но не все дозволено». Бедняга стал жертвой наслаждений – буквально сгнил от дурных болезней. Но даже умирая в муках, этот паладин Любви упрямо именовал свои болезни «всего лишь шипами на теле прекрасных роз» и «заслуженными ранами великих любовных битв».

Но подраставший юный король увидел страшный конец сгнившего заживо несчастного рыцаря Любви. И преисполнился ужаса. Но, как только закрылись глаза безумца-регента, добрый народ Франции потребовал любовных подвигов от нового правителя – юного короля. Граф Сен-Жермен справедливо отмечал, что любовные подвиги королей возрождали во французском народе древнее чувство безопасности. Ибо еще в глубокой древности считалось: чем любвеобильнее вождь племени, тем плодотворнее становилась земля, богаче урожай и тем счастливее был народ. Граф Сен-Жермен утверждает в «Записках», что впоследствии, когда на престол взошел Людовик XVI, первый король, верный своей жене, в стране тотчас возникла революционная ситуация! Однако вернемся, мой друг, к молодому Людовику XV, который этой ошибки не сделал. Он был совсем юн, когда во дворце появилась его первая любовница, незнакомка под густой вуалью. Придворные недолго сторали от любопытства. Подкупленный слуга короля, будто бы от неловкости, сорвал вуаль дамы. Каково же было разочарование двора! Под вуалью скрывалась фрейлина Луиза де Мальи, урожденная де Нейль, известная дурнушка. Вуаль Луиза носила отнюдь не из скромности. Она справедливо боялась, что, увидев ее лицо, в поход на постель короля немедленно бросятся знаменитые придворные красавицы. Действительно, все дамы, прославившиеся любовными приключениями, как, например, несравненная «Мадам Версаль» (так прозвали фрейлину, переспавшую со всеми обитателями дворца), тотчас попытались соблазнить молодого короля. Но тщетно; юный король остался глух к их атакам. Однако, как только из монастырского пансиона была выпущена *некрасивая* девственница – родная сестра Луизы, Людовик тотчас соблазнил невинную дурнушку. Затем пришла очередь и третьей уродливой сестры де Нейль – Дианы... Спать с сестрами – весьма сексуально. Граф Сен-Жермен в «Записках» вспоминает вашего великого донжуана, князя Потемкина, который умудрился переспать с четырьмя своими племянницами, по мере того как они подрастали. Но племянницы вашего Потемкина были несравненные красавицы, а дамы из рода Нейль – отменно нехороши. Так что придворные красавицы терялись в догадках о странных вкусах короля. Рождались самые невероятные версии об особом зрении молодого Людовика XV... Граф Сен-Жермен, услышавший всю эту странную историю от французского посла в Вене, не размышлял над тайной. Он ее тотчас понял: напуганный судьбой дяди, Герцога Любви, бедный король Людовик попросту боялся повторить его судьбу. И оттого выбирает отменных дурнушек, у которых, как он наивно, по молодости, считает, не может быть любовников и, следовательно, дурных болезней. Именно тогда граф написал длинное письмо Его Величеству, предложив свои знания. Будучи сам великолепным врачом, граф Сен-Жермен отправил королю с нарочным древнюю индийскую настойку махараджей. Созданная в Индии – стране изысканных наслаждений Камасутры, она беспощадно убивала любовную инфекцию. Так что Диана из семьи де Нейль стала последней уродиной в постели Людовика XV. И вовремя! Ибо возмущение придворных красавиц короля стало всеобщим. Буквально все придворные дамы приготовились принять участие в массовом штурме королевской постели. Именно тогда, к восторгу двора, защищенный графом король смог впервые выбрать достойнейшую. Восхитительная маркиза де Ла Турнель стала первой красавицей в королевской постели. Как это ни смешно, она была из той же семейки де Нейль! Но в ее лице род де Нейль полностью себя реабилитировал. Ее божественные формы – пышные бедра, высокую грудь, стрелявшую без промаха из игривого корсажа, – обессмертили тогдашние скульпторы. Это она глядит на нас с крутобедрых статуй античных богинь, с фронтонов дворцов, построенных при Людовике XV... Но и мадам де Турнель придется вскоре покинуть первую постель Франции. Ибо, получив свободу желаний, король все чаще радовал свой добрый народ новыми красавицами.

Пока все они не уступили место достойнейшей. Загорелось сияние, осветившее весь Галантный век!.. Ее звали Жанна-Антуанетта д'Этиоль.

Жанна д'Этиоль с юности готовилась завоевать Францию, как та бессмертная Жанна! Но если Жанна д'Арк завоевала славу доблестным мечом, маркиза добыла ее прекраснейшим телом. Она вошла в историю под именем маркизы де Помпадур.

Именно в это время по приглашению благодарного короля граф Сен-Жермен появляется в Париже.

Его приезд стал сенсацией. Граф был сказочно богат, а французы, как известно, обожают и уважают богатство. Никто не знал и до сих пор не знает источников несметного состояния графа. Известно лишь, что он буквально потряс парижское общество огромными тратами и знаменитой коллекцией драгоценных камней. Жемчуг, сапфиры и, конечно, знаменитые бриллианты редких размеров и красоты описаны множеством очевидцев. И если познания графа в деле государственной безопасности, то есть безопасности королевского члена, стали началом его дружбы с Людовиком, то другой талант графа сделал эту дружбу весьма тесной. Это были знаменитые опыты с драгоценными камнями, весь Париж стекался посмотреть их. Хотя куда чаще они происходили в присутствии одного короля. Именно во время такого опыта граф устранил дефект в любимом бриллианте Людовика. Король пришел в восторг. Мадам де Оссе, придворная дама и очередная любовница графа, в своих мемуарах рассказывает: «Его Величество с изумлением и наслаждением разглядывал камень, вылеченный графом. После чего буквально засыпал графа вопросами: как он это делает? Сен-Жермен со своей вечной доброжелательной улыбкой объяснил Его Величеству, что сие неведомо ему самому. Просто, увидев несовершенство камня, он уже в следующий миг видит его совершенным! Будто камень лечат его глаза. И тогда же он сообщил Его Величеству, *что умеет увеличивать драгоценные камни и придавать им по своему желанию нужный блеск*. После чего в присутствии короля взял пригоршню мелких бриллиантов приблизительно в 28 каратов. Уложил их на особый тигель. И, накаливая, сотворил великолепный бриллиант, который после огранки превратился в чистейшей воды камень в 14 каратов стоимостью 30 000 ливров. Все преобразованные бриллианты и новорожденный камень Его Величество оставил у себя».

Потрясенный король пригласил Сен-Жермена пожить в королевском замке в Шамборе, в великолепных покоях, где прежде обитал знаменитейший полководец принц Морис Саксонский. Король приказал устроить в Шамборе мастерскую для небывалых химических опытов графа. Он назначил ему щедрый пенсион в 120 000 ливров, которые граф тратил на свои исследования. Остаток щедро раздавал прислуживавшим во время опытов.

Месье Антуан позвонил в колокольчик. Все тот же безликий молодой человек молча вкатил маленький столик и все так же молча удалился. На столике лежало нечто, укрытое бархатом. Будто священнодействуя, пугающей рукой в черной перчатке месье Антуан медленно поднял бархат. Под ним оказались две большие шкатулки красного дерева. Выспренным жестом фокусника он раскрыл первую. На красном бархате лежал неправдоподобный сапфир размером с куриное яйцо, и рядом с ним мерцал дивной красоты бриллиант. Черная перчатка месье Антуана нависла над ним:

– Этот камень – один из сотворенных графом в Париже. Его мне продали потомки мадам де Оссе. Граф подарил ей камень после их первой ночи. Сколько долгих лет я за ними охотился... Трогайте, трогайте. Вам хочется потрогать!.. Смелее! Дерзайте, берите в руки божественные камни!

Я взял бриллиант. Никогда не держал в руках подобного камня.

– Это очень редкий бриллиант такой величины, на котором нет крови, – сказал месье Антуан. – Обычно за каждым подобным крупным камнем – вереница преступлений. Причем после каждого убийства бриллиант начинает играть новым блеском: человеческая кровь

меняет свет, живущий в камне... И еще. Любимые вещи хранят электрическое поле их хозяев. И когда вы дотрагиваетесь до них, вы соединяетесь с ними, с ушедшими, отдававшими им тепло своих рук. В этот миг вы поймали ушедших владельцев, прячущихся от нас в природе. Только надо уметь трогать вещи. Не делайте это примитивно... Трогать – не значит только дотрагиваться. Наоборот, дотронувшись, тотчас уберите руку, медленно поднимите ее и держите над предметом, как над огнем. Старайтесь уловить, почувствовать тепло, идущее от камня. Говоря птичьим языком нашего века, в этот миг происходит соединение двух компьютеров. И возникает тропинка ТУДА. Начинается увлекательнейшая из Игр. Игра со временем.

Граф был наделен тайной Времени. Он был великолепный художник – кстати, это он изобрел светящиеся краски. Изобретение, которое пытаются приписать другому. Но сам он не мог любоваться живописью – ни своей, ни чужой. Когда он глядел на картину, она тотчас распадалась для него на мазки, которые художник мгновение за мгновением накладывал на холст. Граф, глядя на холст, видел Время... Но вернемся в Париж!

Прошло совсем немного времени после появления графа в Париже, и уже Фридрих Великий с изумлением написал в письме: «В Париже объявился новый политический феномен. Этот человек известен под именем графа Сен-Жермена. Он состоит на службе у французского короля и находится у него в большой милости».

Они часто подолгу беседовали, граф и король, пока придворные томились в приемной, подпирая стены Овальной комнаты.

Теперь все знаменитые вельможи считали за честь пригласить друга короля на ужин. Но, как писал завидовавший и ненавидевший графа Сен-Жермена Казанова, к изумлению присутствующих, граф почти ничего не ел во время этих ужинов. Да, у него была особая диета. Вместо еды он рассказывал. Эти рассказы Сен-Жермена были, как правило, о событиях знаменитых, но давно минувших. Его рассказы были столь же таинственны, как его химические опыты. Ибо граф, рассказывая о прошлом, порой забывался... как порой и я, ваш покорный слуга. И рассказывал... *в настоящем времени!* Будто он побывал *там недавно...* Все дело в том, что граф Сен-Жермен, как и ваш покорный слуга, *видел* то, что *рассказывал...* На слушателей это действовало. Граф насмешливо писал в одном из писем: «Услышав, как я описываю прошлое, милые парижане верят, что мне тысяча лет и я в нем бывал! Я не спешу разуверить их, ведь им так хочется верить, что кто-то может жить намного дольше, чем установлено неумолимой природой».

Граф был и великолепным композитором. Обычно, беседуя с гостями, садился за клавиш и, продолжая беседу, начинал импровизировать. Он как бы записывал музыкой свой разговор для Вечности.

Пиковая дама

И месье Антуан сел за клавесин...

– Осталось несколько музыкальных композиций, сочиненных самим графом. Кстати, одна, в переплете красной кожи, сохранилась в коллекции вашего великого Чайковского, ценившего его музыку.

Я наконец-то спросил его:

– Почему «вашего»? Разве вы не русский?

– Не имею чести, – торопливо сказал он и прибавил, не давая мне возможности задать следующий вопрос (сколько раз я собирался узнать, кто же он, но каждый раз почему-то откладывал спросить). – Это сочинение графа на стихи шотландца Гамильтона «*O wouldst thou know what Sacred Charms*» («Ах, знал бы ты священные чары»)...

– Он заиграл и тихонечко, очень мелодично запел по-английски, но тут же прервал пение и сказал:

– Именно после исполнения этого романса произошел тот разговор. Ваш Пушкин описал эту историю в «Пиковой даме». Эта история действительно случилась. И карточный проигрыш, и три карты, сообщенные во спасение, – были! Но произошло все это отнюдь не с русской дамой, придуманной вашим великим поэтом, но с другой красавицей, впрочем, также имевшей прямое отношение к вашей родине. В это время в числе самых близких друзей графа была гостившая в Париже принцесса Ангальт-Цербстская! Да, мать вашей будущей императрицы, великой Екатерины. И вот после исполнения этого романса граф Сен-Жермен заметил необычное. Красавица, обычно шумно восторгавшаяся его музыкой, на этот раз слушала рассеянно и была необычно бледна. Они уединились, и она рассказала ему о своем горе. Красотка обожала карты и сумела в очередной раз проиграться в пух и прах. Ее муж был небогат. Принц служил у Фридриха Великого заурядным комендантом Штеттина. К сожалению, это был, увы, не первый ее парижский проигрыш. И муж взбунтовался, наотрез отказался платить. Ей оставалось только заложить любимое бриллиантовое кольцо. Но и оно не потянуло на нужную сумму. Короче, она попросила у графа в долг.

Месье Антуан перестал играть. Он откинулся в кресле. И... как же изменилось лицо!.. Знакомая мука... Клянусь, я видел, как, страдая, трудно, он уходил – ТУДА... Монотонно заговорил:

– Да-да, попросила займы.

И я! Я... увидел! Она сидела в кресле, обмахиваясь веером. Я видел платочек, прикрывавший высокую грудь... павлиньи перья веера, закрывшие лицо... Блестела в свечах золотая ручка веера... Он сидел рядом с ней. Его рука нашла ее руку. Где-то далеко раздался звук мужского голоса, и...

И тотчас все исчезло. Месье Антуан сидел, откинувшись в кресле...

Наконец продолжил рассказ:

– Граф сказал: «Я вас люблю. Я готов отдать вам не только жалкую сумму, но и жизнь в при дачу. Однако, коли дам деньги, окажу самую дурную услугу. Ибо вы поступите, как все безумные игроки. Вместо того чтобы отдать долг, немедленно броситесь вновь играть... и, поверьте, проиграетесь. Поэтому я поступлю иначе».

Как он пишет в «Записках», граф открыл ей три выигрышные карты. Но объяснил: эти карты могут выиграть только однажды и только пока он будет находиться в игровой зале. Но как только она отыграется, граф уйдет, и принцесса должна последовать за ним.

– И тогда я возьму с вас клятву никогда более не играть, – закончил граф.

Она бросилась ему на шею. В тот же вечер принцесса отыгралась и дала клятву. Более она не играла никогда! Шли годы, но граф не забывал свою возлюбленную. Он помнил их всех...

Поверьте, это было нелегко... если знать, сколько лет он жил и сколько дам его любили. Граф часто переписывался с принцессой. Я храню одно ее письмо к нему. В нем мать Екатерины излагает графу послание своей дочери, ставшей к тому времени женой наследника престола. Молодая Екатерина со страхом описывает матери припадок, случившийся с вашей императрицей Елизаветой.

Боже мой, как я ждал, что сейчас опять увижу... но ничего! Я видел только месье Антуана, обстоятельно и скучно рассказывавшего:

– Дело происходило в церкви в Петергофе. Во время обедни русской императрице Елизавете стало плохо, и она вышла из храма. Сделала несколько шагов и упала на траву. Свита оставалась в церкви, и несчастная императрица лежала без сознания и без всякой помощи, окруженная испуганными крестьянами. Наконец появились придворные, принесли ширму и софу. Прибежал доктор, пустили кровь. И на софе отнесли императрицу во дворец. На этот раз ее выходили. Но теперь Екатерина боялась скорой смерти императрицы, ненависти мужа и угрозы быть постриженной в монастырь, если муж станет императором. Обо всем этом она писала матери. И тогда граф Сен-Жермен просил передать Екатерине следующее: ей не надо ничего бояться. Уже летом следующего года наступит решающий для нее час, и в это время он сам появится в России.

Феи Оленьего парка

И он действительно появится, как предсказал. Но об этом позже. А тогда в Париже наступил расцвет – апогей власти маркизы де Помпадур. Граф звал ее «Несравненная». Несравненная завладела не только королевской постелью, но и сердцем короля. Маркиза вмешивалась в политик у, покровительствовала искусствам, науке... и графу Сен-Жермену. Она стала частой гостьей на его опытах в замке Шамбор. Надо сказать, граф весьма пополнил коллекцию бриллиантов Несравненной. Но годы шли, маркиза не молодела, и при дворе явились новые бойцы во всеоружии победоносной молодости. Начались их дерзкие атаки на постель Его Величества. И однажды мадам де Помпадур позвала к себе Сен-Жермена. Она приняла графа, лежа в ванне. Эта ванна до сих пор находится в Версале. Я иногда туда приезжаю потрогать ванну и другие ее вещи. Они шепчут... Итак, маркиза со вздохом сказала Сен-Жермену... – Здесь месье Антуан остановился. – Вы уже *видите*? Не так ли?

Я видел!! Она полулежала на софе в великолепном платье. Видна была крохотная ножка в лиловой туфельке. Рядом стояло кресло, обитое гобеленом – целующиеся пастух и пастушка. Она улыбнулась и заговорила. И как всегда, при звуке голоса все исчезло.

И тотчас раздался голос месье Антуана, который сказал странную фразу:

«Вы не сумели войти ТУДА. Ваш мозг вас обманул. Он просто показал знакомый вам парадный портрет мадам де Помпадур. Жаль, что вы не смогли увидеть ее настоящее, *тогдашнее* лицо. Неумолимое время подкралось к красавице и уже нарисовало у глаз предательские черточки. Но она решила бороться. В то утро она сказала графу: «Как светит в окно беспощадное светило... Не так давно я обожала его лучи... они ласкали, но теперь выдают. Сегодня я еще могу принять вас днем, освещенная солнцем. Но, увы, уже завтра...» И она смиренно попросила у Сен-Жермена эликсир бессмертия. Таковы были слухи о могуществе графа! Граф объяснил ей, что таковым не обладает: «Это все досужие сплетни. Им не обладали даже греческие боги, даже они умерли. Правда, через тысячу лет, но все равно подчинились закону нашей безжалостной природы. Хотя в лесах Эллады порой и раздается трубный глас на миг воскресшего Пана... и тогда просыпаются боги на Олимпе. Но тоже лишь на миг. Вы так прекрасны, мадам, что я, ваш верный слуга, просто обязан прислать вам нечто, хотя бы подобное эликсиру. Это древнее притирирование, созданное в Тибете. Оно не сделает вашу красоту бессмертной, но сохранит ее на некоторое время. Одновременно вам придется соблюдать мою диету».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.